

Научная статья / Research Article

УДК 94 (571.6)

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-177-183

Елена Анатольевна Мурыгина

Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск, Россия

¹ shtunda.y@mail.ru

К ВОПРОСАМ О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ В СЕВЕРОКИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ МАНЧЖУРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье затрагиваются процессы формирования русского населения на приграничной территории Северо-Восточного Китая в зоне отчуждения КВЖД, раскрываются аспекты духовной культуры. Основной акцент делается на создание в Манчжурии веротерпимой среды для переселенцев, что являлось общей политикой для всего населения Дальневосточного региона. Особое внимание уделяется баптизму, который занимал активные позиции на Дальнем Востоке. Исследование опирается на широкий круг источников, архивные фонды, личные архивы, газетные статьи, исследования и общенаучную литературу. Некоторые аспекты работы протестантских миссионеров отражены только в конфессиональных источниках (в книгах В.И. Франчука, Я.Ф. Саблина, Г.П. Винса). Историко-системные, сравнительные хронологические, статистические и другие методы позволили рассмотреть часть духовной культуры в обозначенной местности. В статье исследуются аспекты распространения евангельского вероучения в начале XX века. В результате активной деятельности баптистских церквей и миссионеров был сформирован Дальневосточный союз баптистов (ДВСБ), который распространял свою деятельность и на приграничные территории. Иностранные миссии оказывали кадровую и финансовую поддержку единоверцам, это способствовало распространению евангельской вести в 10-х годах XX века, но уже к концу 20–30-х годов ситуация изменилась, и сотрудничество с иностранными организациями было неблагоприятно. По мнению автора, деятельность маньчжурских баптистских общин была тесно связана с Российским Дальним Востоком, на территории которого располагался руководящий орган ДВСБ (первоначально в Благовещенске, а затем в Хабаровске). Адептами евангельских христиан-баптистов в большинстве являлось русскоязычное население, но также проводилась работа и с китайским населением. В свою очередь Дальневосточный союз баптистов через территорию Северного Китая имел возможность более быстро и без контроля получать от европейских и американских церквей различного рода помощь: денежные средства и духовную литературу для развития миссионерской деятельности.

Ключевые слова: Дальний Восток, Манчжурия, духовная культура, переселенцы, адепты христиан-баптистов, русскоязычное население, миссионер, Дальневосточный союз баптистов

Для цитирования: Мурыгина Е.А. К вопросам о духовной культуре в северокитайской провинции Манчжурии в начале XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 177–183. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-177–183.

Elena Anatolyevna Murygina

Far Eastern State Agrarian University, Blagoveshchensk, Russia
1 shtunda.y@mail.ru

ON THE ISSUES OF SPIRITUAL CULTURE IN THE NORTH CHINESE PROVINCE OF MANCHURIA IN THE EARLY XX

The paper touches on the processes of formation of the Russian population on the border territory of North-East China in the exclusion zone of the Chinese Eastern Railway, and reveals aspects of spiritual culture. The main emphasis is on creating a religiously tolerant environment for settlers in Manchuria, which was a common policy for the entire population of the Far Eastern Region. Particular attention is paid to Baptists, which took an active position in the Far East. Research is based on a wide range of sources, archival funds, personal archives, newspaper articles, research and general scientific literature. Some aspects of the work of Protestant missionaries are reflected only in confessional sources (in the books of V.I. Franchuk, Y.F. Sablin, G.P. Vince). Historical-systemic, comparative chronological, statistical and other methods made it possible to examine part of the spiritual culture in the designated area. The article examines aspects of the spread of evangelical doctrine at the beginning of the 20th century. As a result of the active work of Baptist churches and missionaries, the Far Eastern Union of Baptists (FEBL) was formed, which extended its activities to the border areas. Foreign missions provided personnel and financial support to fellow believers, this contributed to the spread of the gospel message in the 10s of the 20th century, but by the end of the 20s and 30s the situation had changed, and cooperation with foreign organizations was unfavorable. According to the author, the activities of the Manchu Baptist communities were closely connected with the Russian Far East, on the territory of which the governing body of the DVSB was located (initially in Blagoveshchensk, and then in Khabarovsk). The adherents of Evangelical Christian Baptists were mostly Russian-speaking, but work was also carried out with the Chinese population. In turn, the Far Eastern Union of Baptists, through the territory of Northern China, had the opportunity to more quickly and without control receive various types of assistance from European and American churches: funds and spiritual literature for the development of missionary activities.

Keywords: Far East, Manchuria, spiritual culture, immigrants, Christian Baptist adherents, Russian-speaking population, missionary, Far Eastern Baptist Union

For citation: Murygina E.A. On the issues of spiritual culture in the North Chinese province of Manchuria in the early XX // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 1. S. 177–183. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-177-183.

Введение. Духовная культура – это сложное и многогранное понятие, включающее в себя различные компоненты, направленные на развитие и взаимодействие личности и социума. В исследовании рассматривается аспект религиозных потребностей человека и общества, который формировался в начале XX века на территории приграничной территории с Российской империей в зоне «от-

чуждения» Китайской восточной железной дороги. Дальний Восток являлся важной стратегической территорией для России и в прошлом столетии, и в современный период, поэтому все процессы, происходящие в приграничной территории, необходимо регулярно изучать, анализировать, чтобы формировать мировоззренческую и историческую картину событий. В исследовании основной ак-

цент делается на создание в Маньчжурии поликонфессиональной и веротерпимой среды для переселенцев, что в принципе являлось общей политикой для всего населения Дальневосточного региона. Особое внимание уделяется протестантским деноминациям, в частности, баптизму, которые занимали активные позиции на Дальнем Востоке и стремились к распространению своего вероучения.

Целью исследования является рассмотрение процессов формирования русского населения и аспекты духовной культуры в приграничной территории Северо-Восточного Китая; деятельность баптистских организаций на территории Харбина и Маньчжурии.

Методы исследования. Историко-системные, сравнительные хронологические, статистические и другие общеполитические методы исследования позволили рассмотреть многофакторный процесс формирования части духовной культуры, выраженной в религиозном аспекте в обозначенном территориальном и временном контенте.

Результаты исследования и их обсуждение. С началом освоения Дальнего Востока русскими в первой половине XIX в. отношения между Китаем и Россией приобрели более активный характер. Ряд внутренних и внешних политических проблем, требовавших решения в пограничном для России и Китая Дальневосточном регионе, привели к заключению в 1895 г. секретного «Семонсекского трактата», в статье 4 которого указывалось, что Китай предоставлял России сроком на 99 лет права на ряд концессий в своих землях, а в «полосе отчуждения» появлялась возможность проложить Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) [1].

Строительство железнодорожных путей в Северной Маньчжурии, ветки пути Гиринь-Дунхуа в Восточной провинции, дороги и морского порта Порт-Артура в районе Даляня (г. Дальний) в Южной Маньчжурии стало международным проектом двух стран. Оно велось техническими силами России с 1898 г. на капиталы Русско-Китайского акционер-

ного банка. Китай предоставил России в «полосе отчуждения» ряд привилегий и прав. На территории строительства разрешалось вводить свои войска для охраны строящегося объекта, иметь полицию, расселять русских подданных и пр.

КВЖД способствовала хозяйственному и колониционному развитию северо-китайской провинции. Стала связующим звеном между Европейской и Азиатской частями, без нее заселение Маньчжурии затянулось бы на многие годы.

Заселение русскими китайских территорий проходило поэтапно. Первая волна поселенцев осела в Северной Маньчжурии в результате миграции трудового населения до конца 1917 г. Российское население укоренялось здесь с перспективой постоянного жительства с целями освоения края в условиях созданного в Харбине русского муниципального управления. Переселенцы имели все гражданские права, в том числе и на предпринимательскую деятельность. На этом этапе задачи «русского Китая» состояли сначала в строительстве дороги, эксплуатации готовой части пути (с 1900 г.) и управлении КВЖД и другими концессиями. Центром русской эмиграции стал Харбин, в котором в 1898 г. проживало 17 тыс. русских, а к 1916 г. на 107 станциях дороги – 35 тыс. человек [1].

В Харбине по российскому образцу в 1906 г. были учреждены Министерство народного просвещения во главе с ученым-этнографом и востоковедом Н.А. Гондатти и Министерство финансов, организовано местное отделение Переселенческого управления отдела землеустройства и земледелия Азиатской России при Российском географическом обществе РАН. Первые газеты стали выходить здесь с 1901 г., среди них «Харбинский листок», «Харбинский вестник» (1903–1917), «Восток» (1912) и др.

После революционных событий в 1917 г., падения Читы и занятия Приморья большевиками в 1922 г., в периоды второй и третьей волн переселения из России в Китай начался большой приток беженцев и эмигрантов. Среди них было много представителей деловых, про-

мышленных и правительственных кругов царской России. К 1922 г. только в районе КВЖД, названном после договора между СССР и Китаем о паритетном управлении дорогой «Особым районом восточных провинций» (ОРВП), российское население удвоилось (по сравнению с 1917 г.), а затем возросло до 500 тыс. [1].

Таким образом, уже в 1900-х гг. Северная Маньчжурия представляла собой край, где русское влияние доминировало как в коммерческой деятельности, так и в области культуры и просвещения. Здесь насчитывалось более 60 русских начальных и средних школ, несколько гимназий, в том числе непосредственного подчинения КВЖД, ряд реальных училищ, колледжей, госпиталей и больниц, где работали более 700 учителей, преподавателей и более 300 врачей. На железной дороге работали более 330 инженеров и инженерно-технических специалистов различного профиля и более двух десятков архитекторов [1].

Н. Штейнфельд, исследуя «русское дело» в Маньчжурии, отмечал, что «...одним из ярких доказательств стремления создать из Маньчжурии вторую родину служат заботы о душе. В Харбине в дополнение к церквям железнодорожной, военной и пекинской миссии содержатся и другие храмы католиков, протестантов, иудеев на частные средства. ...что свидетельствует о намерениях длительного пребывания на востоке» [2]. Духовная среда северокитайских провинций являлась поликонфессиональной и веротерпимой, что отражало, прежде всего, подобные характеристики Российского Дальнего Востока. Именно государство способствовало развитию толерантной среды среди мигрантов, разрешая переселенцам совершать свои религиозные потребности без серьезных ограничений, что стало привлекательным для сектантов и религиозных диссидентов, которых преследовали в Центральной России. Основная цель власти заключалась в скорейшем заселении и освоении дальневосточных земель, а после начала строительства железной дороги по территории Китая разрабатывался

даже проект заселения зоны КВЖД религиозным элементом [3].

Протестантские деноминации на Дальнем Востоке (баптизм, адвентизм) занимали и занимают активные позиции. В частности, баптистские церкви на протяжении уже почти 120 лет по численности своих приверженцев стоят на втором месте после православия и являются неотъемлемой составной частью духовной культуры региона.

В научной литературе вопрос о деятельности протестантских церквей в среде русскоязычного и китайского населения на территории Маньчжурии практически не рассматривался, за исключением работ Н.М. Балалаевой, в которых упоминается о деятельности на территории Харбина «Китайской Адвентистской Миссии» [4]. Пробелы в этом вопросе возникали в первую очередь из-за отсутствия источников, раскрывающих данную проблематику. Конфессиональные документы в большинстве были уничтожены советской властью или являлись засекреченными. Сейчас многие источники стали доступными: это рассекреченные партийные фонды, опубликованные и переведенные на русский язык воспоминания участников событий, которые позволяют по-другому взглянуть на происходящие события.

Баптистские церкви на территории Маньчжурии появились в начале XX века и достаточно быстро распространились вдоль линии КВЖД не только в среде русскоязычного населения, железнодорожных поселков и станций, но и среди китайского населения. Правда, последние очень трудно подвергались христианизации, и масштабы подобной проповеднической деятельности были сравнительно небольшими, поэтому упоминание о работе среди местного населения встречается редко.

Базой для распространения баптизма в приграничном Китае стали г. Харбин и станция Манчжурия [5]. По сохранившимся сведениям, активным проповедником баптистского вероучения на этой территории был Иван Ефимович Воронаев, который прибыл в 1909 г.

г. Благовещенск и устроился на работу бухгалтером в Амурское Промышленное Товарищество. В Благовещенске И.Е. Воронаев был проповедником общины ЕХБ, которую возглавлял Г.И. Шипков. Через его проповеди в 1910 г. баптистское исповедание принял богатый купец со станции Манчжурия Китайско-Восточной железной дороги П.С. Свечников, который потом пригласил его к себе на службу в качестве бухгалтера. Служа у купца бухгалтером и кассиром в магазине, Иван Ефимович проповедовал Евангелие всем его служащим. Через некоторое время на станции образовалась община баптистов [5], которая при посещении Дальнего Востока известным баптистским деятелем В.Г. Павловым (1914 г.) была включена в состав созданного Дальневосточного союза баптистов (ДВСБ), куда также вошли Харбинская и ряд мелких общин, разбросанных вдоль КВЖД [6]. Для поддержания и расширения деятельности церквей на территории Маньчжурии ДВСБ периодически посылал миссионеров и проповедников. Наибольшая активизация и увеличение частоты подобных поездок пришлось на 1919–1927 гг. [7]

До 1926 г. Я.Я. Винс ежемесячно посещал северокитайские общины [7] и выражал беспокойство по поводу отсутствия там постоянного работника миссии: «Посетил несколько общин нашего союза. Первой была община в Харбине, где пробыл 4 дня. Верующих здесь всего несколько человек, хотя русских в городе 150 тысяч, среди них масса беженцев, духовная работа необычайно нужна, следовало бы иметь здесь постоянного работника» [8]. Несколько месяцев в Китае трудились представители шведско-американской миссии, базирующейся в Приморье, Ольсон и Фетлер [9].

Но миссионерская работа велась не только в среде русского населения. В книге старшего сына Воронаевых Павла «Моя жизнь в Советской России» он так рассказывает о жизни своих родителей на приграничной станции Манчжурия: «...В то время мои родители были заняты миссионерской деятельностью среди рус-

ских, монголов и китайцев на границе России и Северного Китая ... затем со станции Манчжурии они переехали в Харбин, отец служил в качестве бухгалтера у богатого торгового промышленника В.Н. Мечникова, который имел электрическую станцию. Живя в Харбине и состоя на службе у Мечникова, Иван Ефимович посещал собрания баптистов, у которых он проповедовал и стал руководителем общины» [5].

О деятельности баптистов среди китайского населения упоминает в своей «оправдательной исповеди перед советским народом» и Яков Федорович Саблин, вспоминая о том, что в период своей бурной евангелизационной деятельности в начале XX века он проповедовал перед аудиториями в Сахаляне, Харбине и Манчжурии, где ему помогали переводчики [10].

Раскрывая фронт миссионерской работы, Я.Я. Винс на 26 Всесоюзном съезде баптистов в 1926 г. сообщал: «...В данное время в границы Дальневосточного края, охваченного работой нашего братства, входят 9 округов – громадная территория, которую населяет много разных народностей. При всем нашем желании всем им дать Евангелие мы успели пока создать только начало работы среди корейцев и китайцев, которые там живут. Уже имеются верующие китайцы, довольно искренние и интересные братья: сердце радуется, когда ближе знакомишься с ними» [11].

Но дальнейшим масштабным планам не суждено было сбыться, так как к 1928 г. антирелигиозная деятельность Советского государства усилилась, работу всех проповедников ограничили территориями районов, к которым причислялись, запрещалась любая миссионерская деятельность [12]. В 30-е годы XX века ДВСБ прекратил свое существование. Маньчжурские общины лишились духовной поддержки. И, несмотря на то, что вследствие притока мигрантов на территорию Северного Китая в 20-30-е гг. протестантские общины численно увеличились, дальнейшие политические события на территории этой страны побудили веру-

ющих искать более надежные условия для жизни и переселяться в европейские страны.

Заключение. Таким образом, духовная поликонфессиональная среда приграничной зоны северокитайской провинции и деятельность маньчжурских баптистских общин была тесно связана с Российским Дальним Востоком, на территории которого располагался руководящий орган ДВСБ (первоначально в Благовещенске, а затем в Хабаровске).

Адептами евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) в большинстве являлось русскоязычное население, но также проводилась работа и с китайским населением. В свою очередь Дальневосточный союз баптистов (ДВСБ) через территории Северного Китая имел возможность более быстро и без контроля получать от европейских и американских церквей различного рода помощь – денежные средства и духовную литературу для развития миссионерской деятельности.

Список источников

1. Дипломатический словарь: в 3 т. М., 1985.
2. Штейнфельд Н. Русское дело в Маньчжурии с XVII в. до наших дней. Харбин: Юань-дунь-бао, 1910. С. 88.
3. Мурыгина Е.А. Баптистские общины в поликонфессиональной структуре Дальнего Востока России во второй половине XIX – 30-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2008. 203 с.
4. Балалаева Н.М. Адвентизм седьмого дня в Приамурье в период империализма // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. Хабаровск, 1969. Т. 21.
5. Франчук В.И. Просила Россия дождя у Господа. Одесса, 2002.
6. К сведению союзных общин // Баптист. 1914. № 13–14. С. 20–21.
7. Уголовное дело П-71191. Протокол допроса Шипкова Г.И. // Личный архив Н.Ф. Никитиной.
8. Поездка по церквям Дальнего Востока // Сеятель истины. 1921. Май.
9. Письмо из Владивостокской церкви // Сеятель истины. 1923. Сент.
10. Саблин Я.Ф. Правда об изнанке баптистов. Барнаул, 1966. С. 4.
11. Винс Г.П. Тропою верности. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1997. С. 274–276.
12. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-137. Оп. 9. Д. 2. Л. 47.

References

1. Diplomaticeskij slovar': v 3 t. M., 1985.
2. Shtejnfel'd N. Russkoe delo v Man'chzhurii s XVII v. do nashikh dnei. Kharbin: Yuan'-dun'-bao, 1910. S. 88.
3. Murygina E.A. Baptistskie obshchiny v polikonfessional'noj strukture Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – 30-e gg. XX v.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Khabarovsk, 2008. 203 s.
4. Balalaeva N.M. Adventizm sed'mogo dnja v Priamur'e v period imperializma // Uchenye zapiski Khabarovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Khabarovsk, 1969. T. 21.
5. Franchuk V.I. Prosila Rossiya dozhdya u Gospoda. Odessa, 2002.
6. K svedeniyu soyuznykh obshchin // Baptist. 1914. № 13–14. S. 20–21.
7. Ugolovnoe delo P-71191. Protokol doprosa Shipkova G.I. // Lichnyj arkhiv N.F. Nikitinoj.
8. Poeszdka po cerkvyam Dal'nego Vostoka // Seyatel' istiny. 1921. Maj.
9. Pis'mo iz Vladivostokskoj cerkvi // Seyatel' istiny. 1923. Sent.
10. Sablin YA.F. Pravda ob iznanke baptistov. Barnaul, 1966. S. 4.

11. *Vins G.P.* Тропоу верности. 2-е изд., перераб. і доп. Kiev, 1997. S. 274–276.
12. Gosudarstvennyj arkhiv Khabarovskogo kraja (GAKHK). F. R-137. Op. 9. D. 2. L. 47.

Статья принята к публикации 10.01.2024/
The article has been accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторе:

Елена Анатольевна Мурыгина, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук

Information about the authors:

Elena Anatolyevna Murygina, Associate Professor at the Department of Humanities, Candidate of Historical Sciences

